

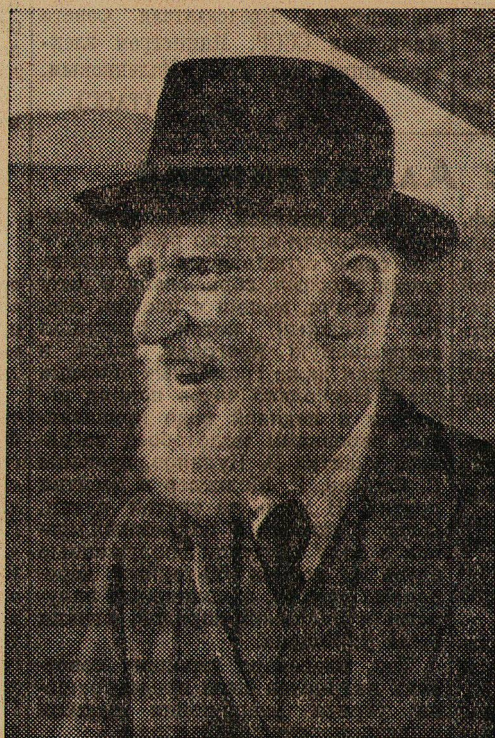
Бернард Шоу

К столетию
со дня рождения

Из всех знаменитых писателей Бернард Шоу по характеру, пожалуй, самый «неюбилейный». Не было в нем никакой торжественности, а мальчишеского задора—даже в 93 года—хоть отбавляй! Шутил он над всем, в том числе над собой и своим талантом, и поразил своей насмешливостью даже Анатоля Франса, когда, явившись знакомиться с ним, представился: «Здравствуйте, я тоже гений».

Сегодня сто лет со дня рождения Шоу. Что и говорить, дата внушительная! Счет на столетия вызывает ощущение почтительной отдаленности, но к Шоу это пока не относится. Он умер всего шесть лет назад и мог бы сегодня быть с нами, во всяком случае, это входило в его планы, так как он намеревался жить 300 лет, считая такой возраст минимальным для того, чтобы человек мог понять жизнь по-настоящему.

На наш более скромный счет он и так прожил большую, интересную жизнь. На его веку появились «Происхождение видов» Дарвина, «Капитал» Маркса, «Война и мир» Толстого; были изобретены электрическая лампа, автомобиль, самолет, радио, кино и расщеплено атомное ядро; он был современником Парижской Коммуны и Октябрьской революции. Его юношеские романы читал Энгельс, а зрелые пьесы—Ленин. Горький и Ромен Роллан были его друзьями. С молодых лет и до глубокой старости Шоу жил в самой гуще социально-политических и интеллектуальных движений наиболее стремительной эпохи, испытавшей потрясения многочисленных войн и нескольких революций, из которых

Бернард Шоу на перроне Белорусского вокзала в Москве (1931 г.).

Фото Н. Петрова.

одна явилась переломным событием во всей мировой истории.

Творчество Шоу, драматурга и публициста, питалось всем этим, оно было горячим откликом на самые волнующие вопросы жизни. Форма этого отклика была у Шоу своеобразной. Шоу не был писателем, создавшим произведения, которые на века запечатлевают картины нравов, строй чувств, жизненные конфликты и запоминающиеся характеры людей своей эпохи. Его драматургия принадлежит к той разнообразно-

сти искусства, которая называется литературой идей. Его пьесы представляют собой как бы хронику разнообразных интеллектуальных интересов эпохи—политических, философских, нравственных. Он чутко улавливал новые веяния и становился либо их рьяным пропагандистом, либо ярким противником.

Как драматург Шоу завоевал признание не правдой характеров и страстей, а значительностью идей, которые он выражал через посредство своих персонажей. Шоу редко поражает нас пластичной завершенностью своих образов, ибо почти в каждом из них мы чувствуем самого автора, говорящего устами созданных им действующих лиц. Но зато как они говорят! Сколько блеска и остроумия в их речах! Пьеса Шоу—это всегда битва идей, конфликты мировоззрений, поединки мнений и точек зрения.

«Опасные» с точки зрения господствующих классов идеи Шоу нес массе простых людей, нарушая всякие запреты и ломая цензурные преграды. Как художник он значителен своим умением облекать в живую и доходчивую форму самые сложные вопросы жизни.

Нередко бывает, что, получив удовольствие, кое-кто из зрителей недовольно брзжит: «Это несерьезно, это буффонада, а не настоящее искусство!». Такому зрителю кажется, что достоинство мысли снижается, когда она предстает в веселом виде. Шоу часто слышал подобные упреки, но не смущался ими и продолжал традиции славного искусства, отцом которого был Аристофан.

Еще в молодости Шоу видели в библиотеке Британского музея читающим «Капитал» К. Маркса. «Это был поворотный пункт моей жизни,—признавал впоследствии Шоу.—Маркс явился для меня откровением... Он открыл мне глаза на факты истории и цивилизации, дал мне совершенно свежее понятие о мире, снабдил целью и определил мою миссию в жизни».

Шоу не стал ортодоксальным марксистом, но он понял главное в великом труде Маркса—историческую неизбежность смены капитализма социализмом. Он стал социалистическим агитатором, выступал в Гайд-парке, митинговал в клубх, на площадях и перекрестках Лондона и здесь выковал свое главное оружие—рапиру полемиста и памфлетиста.

Этим оружием Шоу завоевал сцену. В своих пьесах он протыкал рапирой насмешки кумиры буржуазии, показывая, что они просто чучела, под респектабельной внешностью которых нет ничего, кроме мусора и трухи.

Экономику капитализма Шоу обличал в форме эпиграмм, политику буржуазии показывал, как цирковую эксцентриаду, а мораль господствующих классов,—как фарс. Под вихрем его острот и парадоксов лопались, подобно мыльным пузырям, теории, выдуманные для оправдания социальной несправедливости.

Шоу не изменял себе и тогда, когда писал о будущем человечества, оставаясь тем же веселым пророком. Его пьеса «Назад к Мафусаилу»—комедия космических масштабов, действие которой происходит через 30 тысяч лет. Это «хорошая шутка» о том, что получится, когда люди станут жить по 300 лет.

Многое у Шоу кажется озорством и причудой. Шоу неразумен только для людей, цепляющихся за старое и отжившее, справедливо осмеянное им. Новое всегда представляется рутине-

рам, как незаконное нарушение общепринятого. «Всякий прогресс означает перемену взглядов,—писал Шоу в 1944 году.—Новые взгляды сначала кажутся шуткой или причудой, потом их объявляют святотатством и государственной изменой, а затем вопросами, заслуживающими обсуждения, и, наконец, общепринятой истиной... Двадцать лет назад русский коммунизм считали безобразием, которое цивилизованным нациям надлежит искоренить. Теперь коммунистическая конституция образец для всех передовых государств...».

Шоу был другом Советской страны с момента ее возникновения. В 1931 году он заявил: «Я хочу перед смертью увидеть Россию. Я ведь бывал до сих пор только в странах капиталистических, и наверное очень интересно посмотреть единственную в мире коммунистическую страну». В том же году он гостил у нас и здесь отпраздновал свое 75-летие.

В своей книге «Политический справочник для всех и обо всем» (1944 г.), являющейся как бы политическим завещанием писателя, Шоу подробнейшим образом доказывает необходимость замены капитализма социалистической организацией производства. Говоря о значении электричества для социального прогресса, Шоу отмечал: «Первый государственный деятель, увидевший в нем (электричестве.—А. А.) больше, чем девятидневное чудо, был русский—Ленин. Он видел, что для того, чтобы революционизировать Россию, ее надо электрифицировать; и с той быстротой, какая только была возможна, электрификация превратила русские степи и азиатские пустыни в цветущие цивилизованные города без трущоб, а дикие кочевники стали квалифицированными рабочими».

По мнению Шоу, Советский Союз дал всему миру образец правильного решения земельного вопроса. Он писал: «Экономическое будущее сельского хозяйства в колхозах и горо-

дах-садах». Точно так же образцовым считал Шоу решение национального вопроса и вопроса о всеобщем образовании в СССР.

В последние годы жизни Шоу особенно волновала проблема спасения человечества от разрушительных войн. «Я ненавижу войну и считаю одинаковой жестокостью как воздушную бомбардировку Лондона, так и бомбардировку Неаполя или Кельна. И то, и другое вызывает у меня отвращение»,—заявлял Шоу. Он осудил применение атомной бомбы США, сброшенной на японские города, назвав это «аморальной победой». Он настойчиво требовал, чтобы «применение атомной бомбы было квалифицировано, как запрещенный удар...».

Открытие атомной энергии не пугало Шоу. Он видел перспективы мирного ее использования. В пьесе «Миллиарды Байанта» (1947 г.) один из персонажей, выражая взгляды самого Шоу, говорит: «Ученые всего мира заняты теперь поисками того, как улавливать, управлять и удешевить атомную энергию настолько, чтобы при помощи ее можно было сварить яйцо или заточить карандаш с такой же легкостью, как разрушить город... Нет, человечество не будет так безрассудно, чтобы дойти до предела в убийстве и самоубийстве... Когда расщепление атома сделает возможным за два часа работы произвести все необходимое, на что теперь уходит два года, мы сможем простым движением руки сдвигать горы и выпрямлять русла рек. Тогда проблема, что делать в свободное от работы время, придаст жизни бесконечно больший интерес. И это так же несомненно, как то, что стоит жить».

Вера в неисчерпаемые творческие возможности человека и в бесконечное богатство жизни составляла основу всех убеждений Шоу и придавала оптимистический дух его творчеству.

Александр АНИКСТ.